

Марина
СЕРОВА

**Мост
самоубийц**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Марина Серова

Мост самоубийц

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Мост самоубийц / М. С. Серова — «Эксмо», 2024 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-172530-3

Дождливым осенним днем на Мосту Влюбленных появилась одинокая девушка в легком летнем платье. Ее видели только официанты кафе около моста, но даже они не заметили, как девушка прыгнула в воду. У полиции не возникло сомнений, что это самоубийство, но с этим очевидным фактом никак не могла смириться сестра умершей девушки. Именно это неверие заставило ее обратиться за помощью к частному детективу Татьяне Ивановой. Марина Серова — феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172530-3

© Серова М. С., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина Серова

Мост самоубийц

© Серова М.С., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Редактор серии Е. Ирмеш

Художественный редактор А. Зинина

* * *

Глава 1

Дверь была заперта.

Я подергала разболтанную металлическую ручку и поняла, что запор довольно хлипкий. Один ловкий удар, и она раскроется, как пещера Али-Бабы. Главное, не привлечь внимание жильцов. Я подошла к перилам и, перегнувшись, посмотрела вниз. Далеко на первом этаже глухо хлопнула дверь. Кто-то выругался, а затем послышался звон разбитой бутылки.

– Да что ж такое! – раздался недовольный старческий голос. – Маша, неси тряпку. Литр масла коту под хвост!

Голос вскоре стих, и я, воспользовавшись тем, что на краткое время подъезд опустел, с размаху ударила ногой по хлипкой двери. Она распахнулась с жалобным вздохом и выплюнула на пол раскуроченный замок. Я нырнула внутрь и из-за стенки прислушалась, но на лестнице было тихо. Единственной дверью на этом мансардном этаже была чердачная. Квартиры начинались ниже, и моего вторжения никто из жильцов дома № 50 по Михайловской улице, к счастью, не заметил. Можно было приступить к осмотру.

На чердаке царил полумрак. Хлопья клочковатой пыли перекатывались по полу серыми облачками. Повсюду лежал высохший голубиный помет. Ряд пыльных, никогда не мытых слуховых окошек еле-еле освещал пространство. Я осторожно прикрыла искалеченную дверь и прошла к ним, раздвигая натянутые на каждом шагу паруса многолетней паутины. За мной по пыльному полу потянулась цепочка следов.

– Интересно.

Створка одного окна была приоткрыта. Я провела пальцем по ее шелушащейся раме и толкнула. Окно распахнулось шире, впустив внутрь прохладный сентябрьский воздух. Я высунулась наружу, насколько смогла. Внизу на детской площадке копошились дети. Кто-то пытался припарковать белый внедорожник между двумя худыми березками. А прямо подо мной дворовый рыжий кот, распушив хвост-метелку, осторожно шел по железной стойке сушилки для белья. Он тронул лапой натянутую леску, но пройти дальше не решился и улегся на перекладине.

– Еще интересней.

Вынув из кармана складной бинокль, я навела его на дом, стоящий напротив. В широком просвете между деревьями мелькнул балкон на пятом этаже, обшитый синими, недавно крашенными жестяными листами.

– Обзор ничто не загораживает. В принципе, все понятно. – Прикрыв створку, я достала из кармана телефон и набрала номер заказчика.

Гудки почти сразу прервались. На том конце послышался взволнованный мужской голос.

– Таня? Вы что-то выяснили? Не томите.

– Выяснила, Павел Иванович. Вашего брата убили.

– Так и знал. Володька не самоубийца. Я так ментам этим чертовым и сказал. А они только рады списать грех на самого человека. Паскуды... Лишь бы не разбираться.

Голос смолк. Я догадалась, что Павел Иванович пытался перебороть себя и не расплакаться. Наконец мой собеседник откашлялся и торопливо заговорил:

– Ну, рассказывайте, рассказывайте скорее.

– Рассказываю. Во-первых, слуховое окно слишком маленькое, чтобы через него можно было свободно вылезти взрослому человеку, тем более комплекции вашего брата. Думаю, самоубийца вряд ли выбрал бы для своего прыжка окно, через которое можно протиснуться только с большим трудом. Во-вторых, на чердаке никого не было много месяцев.

– Это точно?

– Максимально. Слой пыли нетронутый и такой толщины, что в нем картошку можно посадить. Тут невозможно пройти, не оставив следов. Но их нет – только те, что я сама натоптала.

– А не могло просто скопиться?

– За две недели? Исключено. Тут еще все затянато нетронутой паутиной. Ей точно несколько месяцев, если не лет.

Я побарабанила пальцем по стеклу.

– Дальше. Внизу, прямо под окном, из которого якобы выбросился ваш брат, стоит сушилка. Любое тело, упав с такой высоты, порвало бы леску, на которую белье вешают. Но сушилка целая.

– Может, леска и порвалась, да новую натянули? – предположил Павел Иванович.

– Вряд ли. Конец сентября, сырость. На улице никто белье не сушит. Так что и леску бы не меняли – нужды в ней нет.

Павел Иванович снова замолчал, ожидая продолжения.

– Ну и последнее обстоятельство. Балкон вашего свидетеля прекрасно просматривается из слухового окна, а значит, и с балкона прекрасный обзор на слуховое окно чердака.

– И что это значит?

– Это значит, врет ваш свидетель. Он утверждает, что ваш брат у него на глазах выпрыгнул из окошка. Вид ему ничто не загораживало, померещиться ничего не могло, а, как мы только что выяснили, отсюда выпрыгнуть невозможно. Значит, он дает заведомо ложные показания.

– Господи. Зачем ему это?

– Скорее всего, он как-то замешан. Ваш брат был должен кому-то крупную сумму денег. Я вам показывала переписку в его телефоне, помните?

– Да. Так что же – это он? Это ему Володька, что ли, задолжал?

– Вполне возможно. В телефоне у Владимира человек, которому он должен денег, обозначен как Крот. А у свидетеля фамилия Землеройкин. Мне кажется, аналогия прозрачная.

– Вот скотина! Еще и свидетелем записался. – Мужчина на том конце сильно разволновался. Он тяжело задышал в трубку, но попросил продолжать.

– У него, скорее всего, были подельники. Землеройкин – человек в возрасте, с отдышкой. Он бы не смог выкинуть из окна мужчину, который больше его, выше ростом и к тому же наверняка сопротивлялся. Этот задохлик и собаку бы не выкинул. Значит, кто-то помогал. Я советую обратить внимание на двух судимых племянников Землеройкина. Не самые крепкие парни, но вдвоем справились бы. Вашего брата сбросили из окна в другом месте, после чего привезли сюда и положили под окна дома. Створка одного слухового окна открыта – там задвижка сломана. Снизу это хорошо видно. Вот преступники и решили воспользоваться удачным обстоятельством. Раннее утро, народу нет. Землеройкин заявил следователю, что ему не спалось и он вышел покурить на балкон. Надежный свидетель – лучший подарок для следствия. Ничего расследовать и не нужно. Так они все и провернули.

– Что мне теперь делать?

– Наймите адвоката для начала и расскажите ему обо всех найденных доказательствах. Я оформлю все в письменном виде. Думаю, этого хватит, чтобы подтолкнуть следствие в верном направлении. Хотя будьте осторожны. Возможно, Землеройкин подкупил кого-то в полиции.

– Вы так думаете? – удивился мой собеседник и инстинктивно заговорил тише. – Есть какие-то доказательства этому?

– Следы на чердаке только мои, – напомнила я. – Если бы полиция проверяла версию свидетеля, сюда обязательно бы поднялись и осмотрелись. А получается по-другому – с его слов записали и просто уехали. Может, конечно, обычная халатность, однако ничего нельзя

исключать. Не знаю я таких халатных полицейских. А вот тех, кого можно подкупить, знаю. Это районное отделение у меня на плохом счету.

– Спасибо вам, Танюша. Не знаю, как и благодарить. Вы спасли память о моем брате. Очистили его доброе имя.

– Не стоит благодарности, – ответила я, вспомнив о сумме, которая упала на мой счет этим утром. – Я делаю свою работу. Мне очень жаль, что с вашим братом случилось это несчастье. Примите мои соболезнования. Я все изложу на бумаге и свяжусь с вами в течение трех дней.

– Хорошо, Танечка, тогда до встречи. Спасибо вам! Спасибо... – Голос Павла Ивановича опять дрогнул.

– До свидания.

Я вернулась на лестничную клетку и спустилась вниз по ступеням. Мне страшно хотелось кофе, и я решила, что перед тем, как вернуться домой, заеду в кофейню «Зерна». Там как раз должны были привезти новую партию кофе из Эфиопии. Вдруг моя нога съехала с последней ступени, и я, взмахнув руками, полетела вперед, на бетонный пол. В последнюю секунду я успела выставить руки и зависнуть над кривым осколком, уставившимся мне в шею.

– Ой! Деточка! – послышалось сзади. Чья-то дрожащая рука попыталась приподнять меня с пола: – Это все я. Я, старая дура, бутылку с оливковым маслом разбила. Руки, видишь, дрожат, как у бешеной.

Я приподнялась и села, рассматривая содранные ладони. Надо мной склонилась маленькая пухлая старушка в мелких седых кудряшках.

– Черт. Бабуся! Хорошо, что мы не на трамвайных рельсах. А то я бы уже без головы лежала.

– Ты это о чем, деточка?

– Не важно.

– Ой, прости, прости меня. Вон и штаны твои модные на коленках порвались. Беда-то какая.

– Ничего страшного. – Я медленно встала, опираясь на сухую ручку старушки.

– Миленькая ты моя...

– Все хорошо, не беспокойтесь. Ай...

– Ты точно идти можешь?

– Могу, все в порядке. – Я подумала, что о кофейне придется забыть. Надо доползти до дома и заняться разбитыми коленками. Я выпрямилась и вдруг почувствовала острый прострел в спине. Этого только не хватало!

Осторожно обходя осколки, я проковыляла к входной двери. Старушка за моей спиной открыла дверь своей квартиры:

– Сейчас, сейчас. Сестра сейчас все уберет, она и помоложе, и порасторопнее... Маша, носи же тряпку и веник! Надо собрать осколки – люди уже калечатся.

Когда я выходила на улицу, до меня долетел голос таинственной Маши, которая скрывалась в глубине квартиры, – такой же старушечий и хриплый:

– Аннушка... ну не горячись, несущая уже...

* * *

К тому моменту, как я доехала до своего дома, коленки начали саднить сильнее. Припарковавшись, я осмотрела ноги. Сразу стало ясно, что джинсам хана. На каждой штанине красовались дырки с неживописными рваными краями, окрашенными засыхающей бурой кровью. Я загрустила: джинсы были куплены этим летом в Италии, а с момента покупки не прошло и пары месяцев.

Дома после обработки ссадины перестали казаться такими уж страшными, зато я почувствовала, что усиливается боль в спине. Перспектива не радовала: повреждение могло оказаться серьезным, а моя работа требовала постоянного передвижения. Можно было просто отлежаться дома, но мне было тяжело даже кружку с полки достать, поэтому, поохав и потороговавшись с собой, я все-таки вызвала такси и поехала в клинику к знакомому доктору. Вердикт был ожидаемым: растяжение.

Леонид Леонидович, травматолог, не раз спасавший меня от подобных недугов, выписывая рецепт, вдруг оторвался от компьютера и уставился на меня поверх очков.

– Рыба моя, перестань заниматься ерундой.

– В смысле? – удивилась я. Леонида Леонидовича я знала уже лет десять и звала запросто дядей Леньей. Он лечил все мои переломы и ушибы, полученные в ходе многочисленных расследований, с интересом воспринимал мою профессию, но в нравоучениях ранее замечен не был. – Дядь Лень, я просто упала.

– Я все жду, что когда-нибудь ты окончательно «упадешь», – старичок изобразил пальцами кавычки, – и я уже ничем не смогу тебе помочь. И никто не сможет.

– Дядь Лень, что вы каркаете! – засмеялась я. – Я действительно просто упала. Бабулька какая-то масло разлила на ступеньках...

– А бабульку случайно не Аннушкой звали?

Я открыла рот и закрыла, решив, что лучше промолчать.

– Ладно, – Леонид Леонидович махнул рукой, нахмурившись, – кому-нибудь другому будешь рассказывать про свое «упала». Он вдруг встал из-за стола и зашагал по кабинету, засунув тонкую дужку очков себе в рот. Причем сделал это так энергично, что я испугалась, он ее перекусит.

– Дядь Лень, да что случилось-то? С чего вы вдруг так распереживались? Я к вам давно хожу, и все вроде нормально было.

– Случилось... – повторил он, остановившись перед окном. – Случилось...

Я молча ждала продолжения, понимая, что пока внутри у моего доброго доктора не выстрелит сжатая пружина, слова из него больше не вытянешь. Он по-прежнему смотрел в окно, где на огромной площадке, построенной для скейтеров и любителей экстремального спорта, резвилась беззаботная молодежь.

– Они словно нарочно обустроили эту площадку напротив моих окон. Целый день смотрю, как эти подростки прыгают и падают, падают и прыгают. И все жду, что кого-нибудь из них либо «Скорая» увезет, либо ко мне в кабинет притащат.

– И как, увозили? – спросила я.

– Увозили! – с вызовом ответил Леонид Леонидович. – И не раз. Знаешь, я месяцами упрашивал начальство дать мне кабинет с видом на мостик. Там только пенсионеры да влюбленные гуляют... Не дали. А я теперь и не попрошу.

– Почему? – удивилась я. Очевидно, мой травматолог к чему-то вел, правда, очень окольными путями.

– Моя пациентка оттуда сбросилась, – сказал он наконец, вернувшись к столу. Из нагрудного кармана Леонид Леонидович извлек тонкий платочек и аккуратно протер им стекла очков. Потом посмотрел на свет. – Даже не пациентка, а близкий человек. Теперь куда ни кинь, всюду клин: других видов из окна у клиники нет.

– Дядь Лень, – вздохнула я, – говорите, в чем дело.

– Твоя работа очень опасная?

– Не больше, чем любая другая.

– Вот, не обманывай старого деда! Не обманывай. Гоняться за преступниками – придумала же занятие... И ремонтирую я тебя с завидной регулярностью. Так что... – Он пригрозил мне пальцем. – Не надо тут... убеждать меня, что это безопасно.

– Окей, не буду. – Я подняла руки, словно «сдаваясь». – Только скажите, в чем дело. Я же вижу, вы о чем-то хотите меня попросить, только все никак не решитесь. Давайте я сэкономлю время. Вы хотите попросить меня об услуге. Но опасаетесь, что в результате оказания этой услуги я каким-либо образом пострадаю. И не хотите быть причиной. Так?

Леонид Леонидович устало поднял на меня глаза. Он помолчал, потом кивнул.

– Так просите. Я большая девочка и могу за себя постоять. От того, что вы меня о чем-то не попросите, ничего не изменится – я продолжу заниматься своим делом, а вы продолжите за меня беспокоиться.

Врач коротко усмехнулся, глядя в стол, заваленный бумагами:

– «Принять реальность – значит наполовину выздороветь». Не помню, кто сказал. – Он шумно выдохнул и наконец поднял голову. – Ладно. Есть у меня к тебе просьба. Надеюсь, я об этом не пожалею. Не в смысле, что ты не справишься, а в смысле, я надеюсь, что ты не пострадешь из-за этой просьбы.

– Говорите же, – улыбнулась я. Леонид Леонидович напоминал дедушку, который переживал, что внуку обесчестят на сельских танцах.

– В общем, я знаю человека, который нуждается в твоих услугах. Это девушка, сестра той самой пациентки, которая прыгнула с моста.

– И чего она хочет?

– Саша очень переживает смерть сестры. Ей кажется, что Полину убили и что никто не хочет расследовать ее смерть.

– Эти сестры – ваши родственники? – спросила я.

– Дети друзей. Родители эмигрировали в Европу, а девочки предпочли остаться здесь. Обе взрослые, у обеих карьера, отношения. Я присматривал за ними по старой дружбе, но виделись мы нечасто. Полина лечилась у меня как-то. Повредила спину, вот как ты.

– Давно?

– Нет. Но это не связано с ее смертью – Поля просто упала на улице, запнувшись о корень дерева. Она быстро восстановилась. Дело не в этом.

– А в чем?

– После того как она прыгнула с того мостика, – Леонид Леонидович махнул рукой куда-то в сторону, – ее сестра Саша пришла ко мне в слезах. Она говорила, что полиция не верит ей и что Поля не могла покончить с собой. Я вспомнил о тебе и случайно проговорился, что знаю частного детектива. Не знаю, кой черт дернул меня это ляпнуть, до сих пор себя корю. Но для Саши это стало навязчивой идеей. Я пытался ее отговорить, но она умоляла дать ей твой номер. А теперь еще и угрожать начала, что обратится к какому-нибудь другому детективу. И я решил, что лучше уж к тебе, чем абы к кому. Вот.

Леонид Леонидович откинулся в кресле.

– Ну, хорошо, – я пожала плечами, – дайте ей мой номер. Только не знаю, когда я смогу приступить.

– Я – старый дурак. Зачем я это все затеял? – сокрушенно покачал головой пожилой врач.

– Вы не верите Саше?

Леонид Леонидович покачал головой:

– Нет. Понимаешь, у Поли действительно была депрессия. Мысль тебя привлечь, признаюсь, заключалась в другом. Я надеюсь, что ты найдешь и представишь ей доказательства того, что Поля покончила с собой. Саше надо принять это и жить дальше. Потому что она ни о чем другом и думать не может. Все время приходит ко мне со своими идеями и теориями. Душу мне берedit. Да и не только мне – родителям, друзьям, знакомым. Этому пора положить конец. Если она не верит полиции, то, может, поверит тебе – человеку объективному и незаинтересованному?

Я положила сцепленные ладони на докторский стол.

– Дядь Леня, а если я найду доказательства того, что права Саша? Ты же не думаешь, что я скрою их от заказчицы?

– Боже упаси, конечно, нет. Если Сашины догадки обоснованы, так тому и быть. Я просто сомневаюсь, что ты что-то найдешь.

– Все может быть, вы же понимаете. Я в своей практике сталкивалась со случаями и почуднее. Иногда кажется, все очевидно, а начнешь копать, и на свет вылезают такие обстоятельства, что на дело уже смотришь иначе.

– Конечно, я это понимаю. Потому и беспокоюсь, – ответил врач. – Но девочка совсем потеряла сон. А полиция даже не рассматривает других версий.

– Тогда дайте мой номер вашей Саше. Пусть позвонит. Я постараюсь помочь. Если человека не устраивает объяснение смерти ее сестры, надо хотя бы попытаться посмотреть на произошедшее ее глазами.

– Ты не беспокойся, деньги есть, – спохватился Леонид Леонидович, – и, разумеется, сначала ты вылечишь спину. Расследование – потом. Сейчас для тебя важен покой и соблюдение рекомендаций. Надеюсь, ты действительно не маленькая и мне не нужно убеждать тебя в этом?

Я поморщилась, повернув корпус.

– Ненавижу, когда спина болит. Мне кажется, легче руку сломать.

Травматолог нахмурился и что-то застрочил на рецептурной бумажке.

– Не легче... – Он протянул мне написанное через стол и ткнул пальцем. – Вот это пить. Вот это мазать. Желателен постельный режим. Во всяком случае, из дома никуда. Саша позвонит недели через две-три...

Саша позвонила этим же вечером.

* * *

День был ветреный, холодный и пасмурный. Такой, каким и должен был быть хмурым осенний понедельник. Лето кончилось, прозвенели первые звонки, и прежде многолюдные улицы, забитые праздными подростками и студентами, опустели на треть. Официант Миша Говорков уныло глядел из окна на залитый дождем сквер и Мост Влюбленных, увешанный свадебными замками. Влюбленные в такую погоду предпочитали сидеть по домам.

Миша протер столик, который в этом совершенно не нуждался, и оглядел пустой зал. Разве что перекашпале по паркету не каталось. Кафе «Авокадо» переставало пользоваться популярностью сразу, как только исчезали с горизонта последние летние лучи солнца.

– Грустно как, – зевнул он и оглянулся на бармена. Бородач, крутивший в руках бокал, засмеялся:

– Да не сифонь. Так всегда бывает, когда учеба у школьников начинается. Им не до кафе, родителям тоже. Сейчас недели две пройдет, и начнем кассу делать.

– А где клерки? Где офисный планктон? Фифы из прокуратуры? Секретарши? Они же все лето у нас завтракали и обедали?

Бородач, не отрываясь от своего бокала, протянул:

– Я забыл, ты же у нас первый год работаете. У офисных клерков тоже дети есть. Начало сентября – мертвое время. Но это ненадолго. Поработаете – узнаете.

Миша презрительно фыркнул:

– А я не собираюсь тут так долго работать, чтобы узнавать тенденции. Я, Миرونчик, через год сюда приеду, и ты меня как «папу» обслужишь.

– Ага, как папу! Римского! – Слава Миронов, которого все звали просто Миронычем, громко рассмеялся. – И какие перспективы, ваше святейшество? Фирма отца?

– И что, если так? Диплом я защитил. Он сказал, поработаете, поймете, как деньги зарабатывают, тогда и поговорим. А я что? Поработал же.

– Да ты в мае устроился. Три месяца еле прошло. Чего ты там понять-то смог? Про деньги.

– А что тут понимать? – Миша задрал ноги на дизайнерский стул в виде половинки авокадо с косточкой. – Есть клиенты – есть деньги. Нет клиентов – нет бабуриков.

– Мудрая мысль. И папа твой, конечно, сразу возьмет тебя своим замом в строительную контору. После того как ты сэндвичи с семгой три месяца поразносил...

Миша проигнорировал издевательский тон своего коллеги.

– Между прочим, я тоже думал, что на время устраиваюсь, – сказал Мироныч, – только вот на три года застрял. Вселенной по барабану, какие у тебя там планы.

Миша не ответил. Его внимание привлекла одинокая девушка, которая вдруг возникла из пелены дождя на мосту и теперь стояла, глядя вниз, на пузырящуюся серую воду городской речки.

– Прикол, – только и смог сказать Миша. Девушка была в тонком, очень изящном платье цвета кофе с молоком. Ее яркие красные туфли на высоких каблучках сильно удлинляли и без того стройные ноги. Никакой куртки на девушке не было, и, казалось, она вообще не замечает дождя, который в последние несколько минут заметно усилился. Платье насквозь промокло и облепило ее грациозный силуэт. Сквозь полупрозрачную ткань проступили контуры нижнего белья.

– Смотри, Мироныч...

Слава вышел из-за барной стойки и подошел к окну.

– Вау! Какие страсти! Девушка под дождем. Достоинно кисти художника.

– Че она там стоит?

– Может, пьяная. Или пафосная. Девушки любят красиво страдать.

– Странно как-то.

– Тут фотосессии все время устраивают. Наверное, где-то фотограф прячется.

Миша недоверчиво посмотрел на друга:

– Так и воспаление легких можно подхватить.

– Легко! Но чего не сделаешь ради красивых фоток. У меня однокурсница зимой в купальнике снималась. И ничего. Покашляла три месяца, зато теперь звезда соцсетей.

Их рассуждения прервал звон разбитой посуды, донесшийся с кухни. Оба обернулись.

– Сенька! Паразит! – завизжала где-то повариха. – Ну не помощник, а наказание, мать твою! Три тарелки угробил! Да чтоб у тебя руки по плечи отсохли...

– Сеня, беги, спасайся! Петровна тебя сейчас в паэлью покрошит, – крикнул бармен нерасторопному повареньишу, который проходил практику в «Авокадо» и еще ни дня не провел без приключений. – Долбаные новички. Всегда с ними так.

Миша усмехнулся с легко читаемым превосходством. Он уже не считал себя новичком. Оба опять обернулись к окну.

Девушки уже не было.

– Куда она делась?

– Ушла, – ответил Мироныч. – Пойду покурю, что ли... ты со мной?

– погоди. Куда ушла? Мы же на секунду только отвернулись. Она бы даже не успела с моста на дорожку сойти.

Бармен сложил руки на груди, и Миша с неудовольствием отметил, что бицепсы у Мироныча больше его собственных.

– Ты что, думаешь, что она того... этого?..

Миша не ответил. Он выскочил на улицу и рысцой побежал к тому месту, где еще пару минут назад стояла девушка в легком платье. Мироныч выскочил за ним, но остался стоять под козырьком. Дождь стал интенсивнее.

Миша добежал до моста, огляделся и перегнулся через перила. Вокруг никого не было. Вода была темна и покрыта рябью и крупными пузырями. Дождь напоминал летний ливень, шел с шумом и паром. Миша в своей рубашке и форменном фартуке промок мгновенно.

– Куда ты делась... – прошептал он, взглядываясь с темно-серую, почти угольную воду.

И вдруг на поверхность всплыла остроносая красная туфля. Ее тут же понесло течением дальше от моста. Она мелькала ярким клубничным пятном, пропадая и появляясь в легких вспененных волнах.

– Звони в полицию! – заорал Миша бармену.

– Что? – не услышал тот и высунулся чуть дальше из-под козырька.

– Звони в полицию, черт глухой!

* * *

Я закончила растирать себе спину мазью, выписанной Леонидом Леонидовичем, и удобно устроилась в подушках. На кухне гремела посуда – там орудовал подполковник Кирьянов, мой давний друг, который помог мне раскрыть немало дел. Я позвонила ему, едва добравшись до квартиры. Уже на лестнице стало понятно, что мне потребуется помощь, а кроме Владимира Сергеевича оказать ее этим вечером было некому. Друзья были в разъездах или заняты делами, а последний мужчина не выдержал моих детективных будней и сбежал, оставив мне в подарок свой дезодорант, зубную щетку и роскошный банный халат. В него я и завернулась, когда натерлась мазью.

Халат пах дорогим теплым парфюмом. Я вспомнила Италию и облитый солнцем балкон отеля, украшенный разноцветной мозаикой. Интересно, каково это – так любить мужчину, чтобы захотелось из-за него спрыгнуть с моста? Наверное, я слишком черствая и циничная, потому что даже представить это у меня не получилось. Похоже, я буду жить долго и счастливо. Одна.

– Ну что, справилась сама, инвалидка? – В дверях возник Кирьянов. На жестяном подносе он нес для нас дымящийся ужин.

– Справилась.

– Я предлагал помочь.

– Как можно так рисковать? Ты бы увидел мою красивую спину, начал приставать, а я предпочитаю остаться друзьями, – пошутила я.

– Дура душой, – проворчал Киря и поставил поднос на кровать. – Яичница! – торжественно провозгласил он, словно речь шла об ананасах в шампанском. – Извини. Это единственное, что я могу приготовить. Дома обычно жена хозяйничает.

– Скажи-ка, друг сердешный, – перебила я, – ты знаешь про наш Мост Влюбленных?

– Ну да. Это где туристический район – там маленькая круглая площадь с кафешками, сквер, скамейки и мост этот дурацкий. А что?

– Там самоубийство было полтора месяца назад. Слышал?

– Ты про девчонку, сиганувшую с моста? – Кирьянов сел в мое кресло, спихнув на пол шелковые подушки. – Как не слышать? Дело было громкое. В СМИ полно публикаций. Они прямо набросились на эту историю, словно это первое самоубийство в городе. А ты что, с луны свалилась, раз спрашиваешь?

– Я из Италии приехала две недели назад, – напомнила я забывчивому другу. – А потом сразу за новое дело взялась. Мне некогда было газетки читать. Ой! – Я поморщилась, ощутив резкую боль в спине. – Почему эти мази не действуют?

– Потому что ни одна мазь не поставит тебя на ноги за один день. Не ной.

– Сам не ной. Расскажи лучше, кто дело вел.

Кирьянов пожал плечами:

– Это не наш район. Насколько помню, выезжали опера Вяземского района. Капитан Морошин, слышала о таком следователе?

– Не пересекалась, но район мне сильно не нравится. Как раз только что я расследовала дело и выяснила, что кто-то, возможно, подкупил следственную группу, чтобы убийство выдать за самоубийство.

Кириянов удивленно поднял бровь:

– Серьезно? Влезать не буду, отдел там и правда расхлябанный. Но это точно не Морошин, можешь мне поверить.

– Что он представляет из себя?

Владимир Сергеевич поставил тарелку на одеяло и сунул мне вилку.

– Ну, тебе с ним общий язык тяжело будет найти.

– Гей?

– Боже упаси. Идеальный. А еще правильный и немного туповатый. Вот есть у него инструкция, Морошин от нее ни на шаг не отойдет. Все по бумажке делает.

– А к частным детективам как относится?

– Они для него как класс не существуют. Ты ешь, ешь.

– Я ем, ем. – Подцепив на вилку кусок жареного яйца и кружочек соленого огурца, я отправила их в рот. – То есть ты с ним связываться не советуешь?

– А что... – Кириянов закашлялся в кулак до слез в глазах. – Блин! Не в то горло... – Он несколько раз шумно отхаркнулся и выдохнул, утирая глаза. – А что, есть повод связываться?

– Есть, кажется. Поэтому и спрашиваю.

– Мой тебе совет – если есть возможность обойтись без его участия, обойдись. Очень противный мужик. Все коллеги его об этом говорят. Закон от буквы до буквы вызубрил, а с людьми работать не умеет.

– Может, и обойдусь. Пока и дела-то нет никакого.

Владимир Сергеевич уткнулся в свою тарелку, и я не смогла не поддеть его:

– А жена не будет ревновать, что ты у чужой бабы ужинаешь?

– Она знает, что я у тебя, а не у бабы.

Я вздохнула:

– Владимир Сергеевич, ты скотина. Оскорбил меня и не заметил.

– Где это я тебя оскорбил? Приехали! Готовлю, тут, понимаешь. Лекарства ей покупаю...

– Да шучу я, не злись. Давай расскажи, что там за дело было с самоубийцей.

– Почему оно тебя интересует? Я в подробности, вообще-то, не вдавался. Но дело чистое. Стопроцентное самоубийство. Девочка переживала разрыв с парнем, впала в депрессию. Пришла на мост сама, в одиночестве прыгнула с моста на глазах у свидетелей. Пока туда-сюда, вытащили – не дышала. Признаков насильственной смерти нет. Там неглубоко, но она плавать не умела. Так что точно знала, что делает.

– Шоколадно. Не дело, а конфетка, – сказала я. Кириянов усмехнулся своим особым смешком, который он обычно использовал, когда речь заходила о его обширном профессиональном опыте.

– Так и есть. Практика показывает, что первоначальная версия обычно самая правильная. Мы же не в детективном сериале живем, дорогая моя. У нас, если дело похоже на самоубийство, то, как правило, им и является.

– Ты не хуже меня знаешь, что это не всегда так. Иначе у меня не было бы работы.

Кириянов удивленно посмотрел на меня:

– Ты что, взялась доказывать, что девушку убили? Каким, интересно, образом?

– Не знаю. Я пока ничего не знаю. Догадки строить рано.

– А кто клиент? – спросил Кириянов.

В этот момент у меня в подушках зазвонил телефон.

- А вот это клиент, может, и звонит.
Номер был мне неизвестен, но интуиция подсказывала, что сейчас я услышу голос Саши.
- Аллю.
- Добрый вечер. Простите, это Таня?
- Да, это я. Добрый вечер.
- Меня зовут Саша. Александра. Я... В общем, ваш телефон мне дал дядя Леня Стрептов. Леонид Леонидович. Он сказал, вы в курсе. – Голос был дрожащим, неуверенным и почти испуганным.
- Да, Саша, я ждала вашего звонка.
- Вы извините меня – я обещала дяде Лене, что позвоню через две недели. Он сказал, у вас спина болит, и велел пока не беспокоить. Но я не смогла столько ждать.
- Ничего страшного. Я все равно не собиралась лечиться две недели. Только ему не говорите. Вы звоните, чтобы назначить встречу?
- Да. Я могу к вам подъехать, если вам тяжело куда-то выбираться.
- Пожалуй, так будет проще всего.
- Вам будет удобно завтра?
- В обед. Часа в два. – Я продиктовала девушке адрес и отключилась.
- Спина «взвыла», когда я повернулась, чтобы положить телефон на столик.
- Ты расскажешь, в чем дело? – спросил Кирьянов.
- Говорю же – пока не знаю. – Я старательно завозила коркой хлеба по тарелке, собирая желток. – Сестра погибшей не считает смерть сестры самоубийством. Вот и все. Детали узнаю завтра.
- Ладно, – Кирьянов поднялся и забрал тарелки, – я в это вмешиваться не собираюсь. Да и не смог бы в любом случае. Говорю же, дело ведется в другом районе. Но советую не идти на поводу у родственников. Нет там состава преступления.
- Он вышел из комнаты, и секунду спустя я услышала, как на кухне открылся кран. Вода с шипением ударила в раковину, зазвенели вилки. Через пару минут Кирьянов опять появился на пороге комнаты и поставил передо мной чашку кофе.
- Сварил, как мог.
- Спасибо. Наверное, Кирьянов в переводе с латыни значит «Спаситель». А еще говорят, мужчины – бесполезные существа. Врут же!
- Я сейчас обижусь и врежу тебе поварешкой по спине.
- Прости.
- Посуду я помыл. Продукты купил. Скажи «спасибо», как хорошая девочка, и я пойду.
- Спасибо. Не слушай меня, я же язва, ты знаешь.
- Знаю. Иванова на латыни означает «плюющая в душу». Все, пока.
- Владимир Сергеевич вышел в коридор и снял с вешалки свою куртку.
- Кирь!
- Ась?
- У меня нет поварешки!
- И почему я не удивлен?
- Хлопнула входная дверь.
- Я повернулась взять чашку со столика, и позвоночник опять прострелило резкой болью.
- Ой...

* * *

У Саши были птичьи глаза – маленькие, блестящие, бегающие. Словно она в любой момент была готова улететь от любой замеченной близко кошки. Девушка была худая, строй-

ная и очень холеная. Пока она снимала свое пальто в моей прихожей, я успела разглядеть брендовые вещи, подобранные с большим вкусом, а также аксессуары и украшения: неброские, но, безусловно, дорогие. Правда, мне показалось, что все это не ее выбор, а заслуга нанятого стилиста. Очень уж неловко получалось у Саши носить всю эту красоту. У меня даже мелькнула мысль, что она предпочла бы что-то менее стильное и заметное.

Я пригласила ее в мою комнату, и она впорхнула в нее, обвиваемая шлейфом легких цветочных духов. Мы сели у окна, к которому как раз для таких случаев был придвинут столик для гостей. Охая, я опустилась в одно из кресел. Саша, испуганно придерживая сумочку, села во второе.

– Я не знала, что вам так плохо, – сокрушенно пробормотала она. – Я бы не пришла ни за что. Что же вы не сказали? Дядя Леня меня убьет!

– Все в порядке, – улыбнулась я, – слушать я в состоянии, а остальное – вопрос нескольких дней. Кофе?

– Спасибо. – Девушка робко посмотрела на чашку, стоящую перед ней, и придвинула ее к себе. Я взяла свою, невольно поморщившись от боли. Чертова спина этим утром болела еще больше, несмотря на тонну выпитого обезболивающего и цистерну мази, которую я уже на себя вымазала. Девушка опять принялась извиняться, и, чтобы остановить этот поток самобичевания, я предложила ей перейти к делу.

– Мою сестру зовут Полина Усольцева... звали... – начала Саша. – Мы с ней погодки. Она была старше. Родились и выросли здесь, в Тарасове. Наши родители бизнесмены.

Я кивнула. Усольцевы – известная фамилия для Тарасова.

– Если мне не изменяет память, вашей семье принадлежит один из торговых центров?

– Да, «Карнавал». Плюс пара небольших центров на окраине. Но год назад мама с папой решили уехать в Европу. Мама сказала, они заработали себе на достойную старость и хотят наконец пожить в свое удовольствие. Родители управляют бизнесом из-за рубежа и появляются тут нечасто.

– Простите за вопрос, но почему вы не уехали с ними? – спросила я.

– Не представляю жизни в чужой стране. – Саша отпила глоток кофе и аккуратно поставила чашечку обратно на столик. Ее робкие, осторожные движения напомнили мне движения ребенка, который играет в чаепитие со своими куклами. Даже удивительно, что такой нерешительный человек, который боится собственной тени, может с таким горячим упорством настаивать на своей теории касательно смерти сестры. Саша подняла на меня глаза: – Полина тоже не представляла себе жизнь в другом месте. У нас здесь карьера, дом, друзья. К тому же родители не тянули нас за собой: они всегда с уважением относились к нашему выбору.

– Похвально. Нечасто встретишь такую позицию у крупных бизнесменов. Обычно в таких семьях все более авторитарно, а родители требуют, чтобы дети шли по их стопам и продолжали семейный бизнес.

– Нет, это, к счастью, не наша история. Папа рассказывал, что он поднялся из самых низов, не имея ни гроша в кармане. Он говорил: каждый строит себя сам. У него не было особых амбиций, связанных с нами. Но, конечно, фамилия нам с сестрой часто помогала.

– А кем работала Полина?

– Она – дипломированный дизайнер и долго училась своему делу в столице. Все думали, сестра никогда не вернется в Тарасов, но, повторюсь, Поля никогда не планировала осесть в других местах. Она очень любила наш город.

– У нее была своя фирма?

Саша грустно улыбнулась:

– Нет, она работала помощником у Романа Иртеньева в его бюро «Огнецвет». Это известный тарасовский дизайнер интерьеров. Полина хотела набраться опыта, прежде чем открывать свое дело.

– В Сети писали, что она переживала разрыв с молодым человеком, – осторожно спросила я.

Саша закусила губу, но слезы все же покатались из ее глаз. Она взяла платок из коробки, которую я предусмотрительно поставила на стол, и промокнула покрасневшие веки.

– Да. Этот дурацкий любовный роман... Его и не было бы никогда, если бы она не работала в «Огнецвете»! Алексей Южных – это один из заказчиков бюро. Весной он нанял Иртеньева, чтобы тот обустроил его загородный дом. Огромная такая махина для него одного, стоит на краю леса в поселке Ладыгино. Все зовут ее «Усадьба». Там куча разных построек: баня, гостевой дом, крытый маленький бассейн. Это дом, в котором они с сестрой выросли. Точнее, перестроенный дом. Я там не была, но, говорят, от прежней постройки мало что осталось. Много лет назад, когда семья Алексея переехала в наши края, там была такая типичная деревенская изба с печью. У отца Южных был бизнес, связанный с авторемонтными мастерскими, поэтому скоро они выкупили больше земли и провели реконструкцию. Отец год назад переехал в город, а этот дом оставил Алексею. Тот после смерти отца захотел сменить дизайн и обновить обстановку, вот и обратился к Иртеньеву.

– У Алексея умер отец?

Саша кивнула:

– В феврале. Полина рассказывала, он очень переживал.

– Расскажите об Алексее. Что он за человек, чем занимается?

– Если честно, Леша мне никогда особо не нравился. Он был какой-то раздражительный и плохо умел скрывать свои эмоции. У него бизнес, связанный с логистикой. Все это, по-моему, очень скучно. Не знаю, чем он зацепил Полину. Она всегда была крайне щепетильна в выборе людей, которые ее окружают.

– Любовь не спрашивает.

– К сожалению. Они познакомились, когда она приехала с Романом на объект. Потом несколько раз привозила какие-то материалы, текстиль, аксессуары. Роман полностью ей доверял, так что в итоге она появлялась у Алексея дома чаще, чем сам дизайнер. Так и закрутилось. Они начали встречаться, но вскоре расстались. Алексей очень сложный человек.

– Разрыв произошел по ее инициативе?

– По его. Прошла всего пара месяцев, а Полина уже говорила о парне как о своем будущем муже. Леша позвал ее к себе в дом, где наговорил много неприятных слов. Деталей я не знаю, но он отчитал ее за излишнюю привязанность и сказал, что не может ответить ей взаимностью. И что устал от этих скоропалительных отношений. Полина была очень влюблена в него и действительно болезненно переживала разрыв. Но она не покончила бы с собой из-за расставания. Кроме того, она считала, что каждый имеет право на чувства – насильно мил не будешь. Алексей, по ее мнению, поступил честно. Она предпочитала просто пережить случившееся и идти дальше.

Я постаралась, чтобы мои слова звучали как можно мягче:

– Иногда нам кажется, что мы знаем человека, но он может быть не таким, как мы представляем. Люди сложны...

Глаза Саши сверкнули гневом:

– Нет! Она бы на это никогда не пошла, поверьте. Поля очень любила жизнь. Она всегда говорила, что самый темный период в жизни можно осветить одним солнечным лучом. Если бы я допускала самую ничтожную возможность того, что она спрыгнула по своей воле, то не пришла бы к вам.

– Расскажите о том злополучном дне.

– Это случилось в понедельник, четвертого сентября. Я позвонила ей утром, но она не взяла трубку. Потом прислала сообщение, что говорить не может. Мол, она в салоне, ей делают прическу.

– Прическу?

– Да. Когда ее вытащили из воды... – Голос моей гостьи опять начал срываться. Но она преодолела себя и продолжила: – На ней было вечернее платье, макияж и прическа.

– Странно.

– Полиция предположила, что она хотела красиво уйти из жизни. Но это глупость какая-то. Полина не страдала тягой к дешевым театральным эффектам.

Я подумала о том, что все может быть. Откуда нам знать, какие мысли посещают самоубийц и руководят их поступками? Но вслух, разумеется, этого не сказала.

– Я спросила у сестры в сообщении: что за повод? Все-таки понедельник, рабочий день. А она ответила: «Сюрприз! Скоро узнаешь». А потом, спустя четыре часа, мне позвонили из полиции. Не думаете же вы, что Полина была настолько жестока, что могла намекнуть мне на свое грядущее самоубийство словом «сюрприз»? Это чудовищно. Никому меня в этом не убедить. У нас были отличные, очень близкие отношения, и она никогда бы со мной так не поступила.

– Ну, допустим. Но вы же взрослый человек и понимаете, что для такого безоговорочного убеждения нужны основания. По-вашему, получается, что кто-то ее убил или вынудил покончить с собой. У вас есть конкретные подозрения?

Саша покачала головой:

– Нет, предположений никаких. Тут я ничем не могу помочь, признаю. Врагов у нее не было, конфликтов вроде тоже. Во всяком случае, таких, о которых я знала. Но ведь если мне о них неизвестно, это не значит, что их нет. Полина мне многого не рассказывала – оберегала. Разница у нас небольшая, но она всегда относилась ко мне как к младшей. Словно я лет на пять ее моложе.

– Хорошо, – сдалась я. – В конце концов, я делаю то, за что мне платят. Вы просите, чтобы я проверила обстоятельства гибели вашей сестры, и я это сделаю. Но хочу сразу предупредить: выводы, к которым я приду, могут быть для вас неутешительными. Вы готовы будете их принять?

Саша кивнула, но, на мой взгляд, слишком поспешно.

– Не торопитесь. Я хочу, чтобы вы поняли: вероятность того, что Полина действительно свела счеты с жизнью, есть, и она большая. В этом случае вам придется смириться с реальностью. Это будет больно и тяжело.

– Не больше, чем потерять ее, – отозвалась Саша. – Обещаю, что, если вы докажете мне мою неправоту, я смирюсь с этим фактом и не буду больше настаивать на расследовании. Леонид Леонидович поэтому позволил мне связаться с вами?

– Вы правы.

– Он беспокоится за меня. – Саша грустно вздохнула. – Дядя Леня очень милый. Представляю, сколько хлопот я приношу окружающим: ему и другим людям. Но, поймите, это же моя сестра. Мы с ней всю жизнь были как одно целое, и я не могу просто смириться с тем, что в один прекрасный день она прыгнула с моста из-за какого-то мужика. Разрыв произошел четыре месяца назад. Допускаю, что можно убиваться по человеку долго. Но спустя солидный срок вдруг решиться на такой чудовищный поступок? Нет, не верю.

– Не такой уж он и долгий, – возразила я. – Иногда боль не отпускает много лет и люди совершают страшные поступки, хотя все вокруг убеждены, что у них давным-давно все в порядке.

– Мы с Полиной общались незадолго до ее гибели, и у нее не было мыслей о суициде. Наоборот, она была полна решимости что-то доказать.

– Доказать?

– Поля не вдавалась в подробности. Сказала, я все узнаю, когда придет время. Упомянула только, что это связано с Алексеем. Дословно фраза звучала так: «Теперь я его точно смогу

убедить!» Думаю, она хотела доказать ему, что все забыла и может жить дальше. Она была полна энтузиазма, когда говорила эти слова. У нее было отличное настроение.

– Когда произошел этот разговор?

– За день до того, как... – Саша опять потянулась за платком, и я деликатно промолчала. Последние слова Полины, увы, можно было трактовать как намерение доказать свою любовь мужчине последним отчаянным поступком. Кажется, дело будет не таким уж сложным. Собственно, перспективы были самые ясные и отнюдь не радужные. Свидетели утверждали, что девушка пришла на мост одна, постояла там в одиночестве и прыгнула без принуждения. То, что она страдала от разрыва с парнем, доказано. Врагов у нее, по словам сестры, не было. И все же отказать сидящей передо мной девушке я не могла. В конце концов, многие обстоятельства мне еще не известны. И пусть, пока идет это маленькое расследование, Саша хоть ненадолго побудет в спасительном плену своей надежды.

– Хорошо. – Я поставила чашку на стол и достала свой неизменный блокнот. – Тогда приступим к работе.

Глава 2

– Полина никогда не хотела легко жить, – сказала Саша. Она вела машину уверенно, по-мужски. Я даже залюбовалась. Никогда бы не подумала, что этот робкий воробушек способен так ловко управлять автомобилем.

Сама я о вождении пока и не помышляла – еле влезла на пассажирское сиденье с помощью клиентки. Ходить прямо и не морщиться я уже привыкла, но действий, которые требовали напряжения, пока избегала.

– «Легко жить»? Что вы имеете в виду? – спросила я.

Саша, не отрываясь от дороги, пояснила:

– Внешность ей позволяла. За Полей со старшей школы мужики косяками ходили. Один бизнесмен прямо собакой ходил, цветами заваливал. Люблю-не могу, – говорит, – озолочу, только дай шанс.

– Не дала шанса?

Саша покачала головой.

– Учиться в Москву уехала.

– А бизнесмен что?

– Ничего. Съездил к ней в столицу пару раз да и отстал. Получил от ворот поворот.

Я прищурилась:

– Не мог обозлиться?

Саша улыбнулась.

– Да нет. Это давно было. Да и Поля умела расставаться с людьми. На нее никто зла не держал.

– Не считая Алексея? – уточнила я.

– Так это он ее бросил. Тут, скорее, Полина должна была озлобиться. – Сашино лицо омрачила легкая, как вуаль, тень печали. – Полю раньше не бросали, вот она и не совладала с нервами. Писала ему, звонила. В общем, по-детски говоря, бегала за парнем. Но потом успокоилась.

– Успокоилась?

– Мне так показалось. Знаете...

– Давай на «ты».

– Знаешь, когда человек еще не пережил расставание – это всегда заметно. Полина говорила только о нем. Анализировала случившееся, вспоминала каждую минуту, проведенную с Южным, искала причины и пыталась понять, почему Леша с ней расстался. Что ему не понравилось в ней? Я терпела, потому что знала: это пройдет. Но многие от нее отделились: сложно вытерпеть, когда человек так сконцентрирован на своей потере. А потом это сумасшествие действительно прошло. Сестра начала интересоваться внешним миром, спрашивала о моих делах и с головой погрузилась в работу. Она пережила это. В конце концов, они встречались неполных три месяца.

– А причину расставания она нашла? – спросила я.

Саша печально поджала губы:

– Иногда люди просто друг другу не подходят. Мы приехали.

Она резко повернула вправо, и я увидела, что мы, миновав шлагбаум, въезжаем во двор небольшого трехэтажного дома постройки 30-х годов. Дом был недавно отреставрирован и выглядел как с открытки – красивый, прятный и до тошноты безупречный.

– Ого, – только и смогла сказать я, разглядывая гладкую штукатурку кофейного цвета и ослепительно белые наличники и колонны.

Саша припарковалась у тротуара и помогла мне выйти. От боли у меня чуть глаза не выпали, но я мужественно улыбнулась. Чертовы обезболивающие практически не работали.

– Этот дом до революции принадлежал князю Лисовскому. Потом в советское время тут располагалась больница для душевнобольных. А в девяностые дом купил какой-то толстосум и разбил на апартаменты. Папа успел купить одну из квартир на втором этаже. Очень ему нравилось, что территория дома огорожена и разбит парк на манер старой усадьбы. Правда, часть парка муниципалитет отсудил. – Саша махнула рукой в сторону высокого кованого забора. За ним парк обрывался: часть «откушенной» территории занимала парковка, а за ней стояло примечательное по своей уродливости здание из серых сэндвич-панелей, в котором легко угадывался автосервис.

– Слава богу, окна у нашей квартиры сюда выходят – на улицу и деревья, – вздохнула Саша и показала: – Вон Полин балкончик.

Балкончик был чудный – небольшой, но аккуратный, с живописной фигурной решеткой для вьющихся растений. Летом хозяйка наверняка пила на нем чай или провожала красивые тарасовские закаты с бокалом игристого.

– Красиво, – констатировала я.

– Пойдем.

Полина погремела ключами, отперла магнитной таблеткой входную дверь, и мы вошли в подъезд. Увы, пахло внутри не розами.

– Канализация старая, – объяснила Саша. – Трубы надо менять. Жильцы бьются, бьются, во все инстанции пишут, но пока толку ноль. Ремонт выходит очень дорогой.

Мы начали подъем по широкой лестнице с каменными ступенями, и я едва не взвыла. Саша поддерживала меня за локоть.

– Чувствую себя старой бабкой, – проворчала я.

– Ну до этого тебе точно далеко, – ответила Саша с легкой ноткой зависти. – Где ты видела бабку с такими модельными ногами? Почему ты стала детективом, а не блистаешь на подиуме?

– А почему Полина не вышла замуж за богача?

Саша улыбнулась:

– Туше.

– Легкий путь – обычно самый унижительный. Либо для твоего ума, либо для достоинства.

– Тебя можно цитировать.

Дверь Полиной квартиры была высокой и двустворчатой, словно за ней скрывался школьный актовый зал. На этаже я заметила еще три двери. Коридор был вытянутым и по всей длине перемежался высокими арками. Ниши пролетов пустовали и были заштукатурены, но в них угадывались очертания полукруглых рам для зеркал. Да, определенно этот дом не был предназначен для того, чтобы стать многоквартирным. Казалось, его недовольство своей судьбой проникает сквозь стены и выражается в потрескавшейся штукатурке, влажных трубах под потолком, неприятном запахе. Саша заметила мой оценивающий взгляд и сказала:

– В квартире все намного лучше. И совсем нет запаха.

Она отперла дверь. Мы вошли и оказались в просторной прихожей. Наверное, архитектурным замыслом она тут не предполагалась. Тот, кто выкупил дом, просто разделил большую залу стенами. Одна из таких новых стен отгораживала вход от остального пространства. У нее примостился небольшой шкаф, а рядом с ним стояло огромное напольное зеркало, в котором мы с Сашей отразились в полный рост.

Квартира напоминала студию и была максимально открыта. Напротив входной двери располагались два высоких окна, перед которыми стоял довольно низкий гостевой диван яркого желтого цвета. Спинка его причудливо загибалась, как у ракушки. Я вспомнила, что Полина была дизайнером, и поняла, что диван наверняка жутко дорогой и выбран хозяйкой из какого-

нибудь брендового каталога на выставке в Милане. Несмотря на его подчеркнуто современный вид, он отлично был вписан в обстановку. Особенно хорошо смотрелись на его фоне нежные тюлевые занавески в мелкий бледно-голубой цветочек.

«Вот почему люди нанимают дизайнеров», – подумала я. Надо будет и мне обновить свою квартиру. Позже, когда дело будет окончено.

– Квартира – произведение искусства, – сказала я. Саша провела меня дальше, и я увидела, что гостиная плавно перетекает в небольшую светлую кухню.

– Все здесь – Полиных рук дело. Она обожала это место. Знаешь, папа купил квартиру сразу, как только осмотрел ее в первый раз. Он всегда говорил, что она просто создана для Поли.

– Вас это не задевало? – не удержалась я.

– Ничуть. Я не люблю такие открытые пространства, студии и прочие архитектурные изыски. Мне по душе классика, – девушка даже слегка рассмеялась, – чтобы каждая комната была за своей дверью, а ванна располагалась не в бывшей комнате для слуг, а там, где ее задумал архитектор.

– Понимаю. – В душе я была согласна с Сашей. Но квартира Полины все равно вызывала у меня искренний восторг.

– Это жильё художника. Им Поля и была. Что вы хотите осмотреть?

Вопрос почти застал меня врасплох. Я поймала себя на мысли, что нахожусь в этом доме скорее на экскурсии, а не на работе. Пора было вспомнить о своих профессиональных обязанностях. Я натянула перчатки и осмотрелась вокруг.

Аккуратная комната, все убрано. Нет ни грязной посуды, ни скомканного белья, ни валяющихся бумаг или книг.

– Тут после смерти Полины кто-то убрался? – спросила я.

– Нет. Полиция все осмотрела, следователь велел ничего не трогать пока.

– Но дверь не опечатана, а значит, расследование окончено, – заметила я.

– Говорю же, они заключили, что это самоубийство. Что им еще тут делать?

Я прошла по всей квартире и заглянула в спальню – единственную комнату, куда вела отдельная дверь. Спальня оказалась совсем маленькой. Тут едва поместилась кровать и небольшой прикроватный столик. Все было прибрано, как в гостинице.

– Поля шутила, что тут раньше была каморка для хранения шляп. Но ей нравилось спать в маленькой комнате.

– Саша, твоя сестра всегда была такой чистюлей? Я имею в виду, что в квартире идеальный порядок.

– Ну, – Саша замялась, – Полина, конечно, не любила беспорядок. Но какого-то особого фанатизма я за ней не замечала.

Мысленно я вздохнула, но вслух ничего не сказала. Идеальный порядок мог говорить о том, что человек готовился к уходу из жизни и не хотел оставлять после себя неприбранный дом.

– Придется полазить по шкафам, – предупредила я. Саша согласно кивнула.

В гостиной у окна стоял огромный письменный стол. За ним хозяйка не только работала на ноутбуке, но и рисовала. Я просмотрела бегло стопку бумаг в лотке – это были наброски, эскизы и несколько договоров. В большом органайзере карандаши и маркеры расставлены строго по цвету. Обсессивно-компульсивное расстройство или простая причуда аккуратистки?

Из трех ящиков стола два занимали папки с проектами, а один был почти пуст. В нем лежали пухлая общая тетрадь и несколько отточенных карандашей. Я вытащила тетрадь и пролистала ее. На каждой странице были подклеены чеки. Очевидно, Полина вела подробный учет своих расходов. Последняя заполненная страница была датирована сентябрем. Я прочитала чеки и сфотографировала их на телефон.

– Вы можете взять тетрадь, если вам нужно, – предложила Саша, глядя, как я пальцами увеличиваю картинку на экране. Я покачала головой:

– Если впоследствии окажется, что это улика, она должна быть здесь.

– А это улика?

– Никогда не угадаешь, что в конечном счете окажется важным. Ты знаешь пароль от ноутбука?

Саша открыла крышку устройства.

– Он наверняка без пароля. Насколько я помню, она его не устанавливала.

– Почему?

– Жила одна и не любила лишней возни... ой...

Экран мигал, требуя ввода пароля.

– Странно. Я точно помню, как она говорила: «Мне нечего скрывать. Зачем устанавливать пароль?» – удивилась Саша.

– Возможно, появилось что-то, что она хотела скрыть.

– Что же делать? Думаешь, там что-то важное?

Я пожала плечами:

– Возможно. Но надо узнать наверняка. Какой у нее может быть пароль?

– Понятия не имею.

– Подумай. – Я села за стол и подтянула к себе ноутбук Полины. – Ты же знала ее лучше всех.

– В этом я уже не уверена. – В голосе Саши послышалась легкая обида. Я уцепилась за эти слова.

– Что ты имеешь в виду?

– От меня у нее никогда не было секретов. А в этой квартире в основном бывала только я. Значит, она хотела что-то скрыть от меня.

– Не обязательно. Если смерть твоей сестры не была случайной, пароль может означать, что у нее были секреты от кого-то еще.

– И ее могли убить из-за этого секрета?

– Все может быть. Сконцентрируйся на пароле. Она нигде его не записывала?

– Нет. Во всяком случае, я о таком не знаю. – Саша взяла второй стул с пухлой бледно-розовой подушкой, придвинула его к столу и села рядом со мной.

– Интересно, – пробормотала я.

Саша вопросительно на меня посмотрела. Я объяснила:

– Когда человек хочет добровольно уйти из жизни, он к этому событию как-то готовится. Оставляет родным объяснение, если у него хорошие отношения с семьей. Закрывает долги. И оставляет пароли от аккаунтов. В последнее время все самоубийцы, с которыми мне приходилось иметь дело, поступали именно так. Но у нас ни записки, ни объяснения, ни открытого доступа.

– Я знала, что она не покончила с собой! – воскликнула Саша.

– Не спеши. Иногда дело в обычной забывчивости или депрессии. Это просто факты в копилку твоей теории.

– Как же найти пароль?

– Какой пароль у тебя? – спросила я. Саша от неожиданности даже приоткрыла рот, блеснув влажным рядом идеальных зубов.

– А причем тут я?

– Ну, ответь.

– У меня – телефонный номер родительской квартиры. Я всегда его использую. Знаю, что пароли везде должны быть разными, но...

– Но в твоей жизни столько служб требуют заводить пароли, что каждый раз генерировать новые просто нереально, – кивнула я. – Но дело не в этом. Твой пароль – это что-то личное, так? Мало кто берет эти вещи с потолка. Скорее всего, у Полины пароль на ноутбуке тоже связан с чем-то дорогим ей. Каким-то важным воспоминанием или важной вещью. Подумай, что бы это могло быть?

Саша зажмурилась, словно пытаясь выдать из своей головы нужную информацию.

– Телефон родителей?

Саша продиктовала номер, но он не подошел. Мы перебрали еще несколько очевидных вариантов – даты рождений близких, имя Алексея в различных вариациях, кличку старого пса.

– Нет, – вздохнула я, – Полина была творческим человеком. Ее пароль тоже должен быть творческим. Она бы не стала использовать такие банальные варианты.

Откинувшись в кресле, я начала рассматривать расписанный потолок.

– А еще пароль должен быть известен тебе. Или, по крайней мере, ты должна суметь его вычислить.

– Почему? – удивилась Саша.

– Родители уехали. Вы здесь одни. Самые близкие друг другу люди. В случае чего-то экстренного, Полина должна была предусмотреть для тебя возможность добраться до ее компьютера, аккаунтов, банковского счета... Почему на потолке написано Аркадия? – Мой вопрос прозвучал неожиданно, но я внезапно поняла, что смотрю на вписанные в облака причудливые буквы.

Саша подняла голову и улыбнулась:

– Так мы называли нашу дачу.

– Дачу?

– Ниже по течению реки есть деревня Аркадьёво. Там у бабушки с дедушкой был большой дом, в котором мы гостили на летних каникулах. Это было самое счастливое время для нас обеих. Как-то Поля в шутку переименовала Аркадьёво в Аркадию. Так и повелось.

Мы посмотрели друг на друга, пронзенные одной мыслью. Я выпрямилась и быстро ввела слово в поле пароля.

– Принято! – воскликнула Саша. – Невероятно. А я бы в жизни не догадалась. Наверное, Поле было бы обидно, что я такая дура.

– Посмотрим, что тут есть.

Беглый осмотр содержимого ноутбука показал, что у Полины была довольно активная интернет-жизнь. Соцсети она вела прилежно, как отличница: регулярно публиковала фото, отвечала на все комментарии, изливала в интернет-пространство все свои горести и радости. Все это я уже видела – нашла погибшую в сети еще в первый день. Но меня интересовали не фото и посты. Я полчаса потратила на изучение архива личных сообщений и просмотр электронной почты. Ей могли угрожать или шантажировать.

Пока я изучала содержимое ноутбука, Саша сварила нам кофе в небольшой турке. Аромат мягко наполнил квартиру Полины и стал тем завершающим штрихом, которого не хватало пространству, чтобы стать идеальным. Девушка поставила передо мной белую чашечку с причудливо выгнутой ручкой и не успела сама усесться рядом, как ей позвонили. Коротко поговорив по телефону, она вздохнула и положила передо мной на стол связку ключей.

– Мне нужно уехать. Начальство недовольно, что я занимаюсь личными делами в рабочее время. Закроешь, когда будешь уходить?

– Без проблем, – ответила я. Так было даже лучше. У меня появится возможность еще раз осмотреть квартиру и не испытывать неловкости от присутствия сестры погибшей. Все-таки нужно было буквально покопаться в грязном белье, но при Саше проводить тотальный осмотр было неудобно.

– Я заеду за ключами вечером.

– Договорились. Езжай и не беспокойся. Я все закрою.

Когда дверь за Сашей захлопнулась, я встала и прошлась по квартире, прислушиваясь к ощущениям в своей спине. От долгого сидения она начала ныть. Я пожалела, что не взяла с собой таблетки.

Итак. Осматривая квартиры жертв, я первым делом заглядываю в мусорное ведро. Но с момента смерти Полины прошел почти месяц. Ведро было пустым и чисто вымытым. Надо будет спросить у Саши, кто его помыл – сама Полина или сестра. А вот в платяном шкафу нашлась целая гора неглаженной одежды. Я не стала в ней копаться и смущенно прикрыла дверцу.

– Интересно.

Воцарившаяся в комнатах тишина действовала угнетающе. Вернувшись к ноутбуку, я открыла электронную почту и погрузилась в чтение. Большая часть писем была делового характера. Еще имелись сообщения от магазинов, в которых Полина числилась постоянным клиентом, они предлагали купоны и скидки. Были послания от налоговой. Несколько писем от благодарных клиентов. Ничего подозрительного – ни намеков, ни угроз.

Я сделала глоток остывшего кофе и уже собралась свернуть окно, как вдруг мое внимание привлекло одно письмо, которое я изначально пропустила, приняв за сообщение от турфирмы. Кликнув и развернув послание, я увидела, что это электронный билет на поезд. Название пункта – Уварово – мне было незнакомо, но сам поезд принадлежал маршруту Тарасов – Иваново. Я посмотрела на дату. Отъезд должен был состояться восьмого сентября, а билет девушка купила четвертого. Время покупки тоже было указано.

Откинувшись в кресле, я скрестила руки на груди и попыталась понять, что я только что нашла. Вполне возможно, ничего особенного, но... Мои мысли вдруг прервал настойчивый, прерывистый звонок в дверь. Я прошла в прихожую и открыла. На пороге стояла какая-то женщина в таком ярком цветастом халате, что я вначале даже не посмотрела на ее лицо.

– Ой! Вы кто? – спросила она. В руках у женщины был тяжелый гигантский сверток, который она удерживала с большим трудом. – Не важно. Держите!

Сверток тут же оказался у меня в руках. От неожиданности я выронила его на пол. Спина тут же мстительно отозвалась острой болью.

– Держите же, – раздраженно заметила женщина, – и вообще-то я не почтальон.

– Стоп, – сказала я. – Вы откуда и кто?

– А вы-то кто? – в свою очередь спросила женщина. – Я вас тут никогда не видела. Услышала, что кто-то ходит, и подумала, что Саша пришла полить цветы.

Я хотела представиться, но соседка махнула рукой:

– Эту посылку принес курьер. Полина, наверное, заказала до того, как... Короче, ее имя на квитанции стоит. Конечно, в квартире никого не было. Кто тут будет? Он мне в дверь и позвонил. Говорит: возьмите, передайте. Я две недели Сашу поймать не могу. Отдайте, а? Вы же ее увидите?

– Увижу, – ответила я и, присев, всмотрелась в странный полиэтиленовый куль, – посылка была предоплачена?

– С меня курьер денег не брал, так что, наверное, да, – ответила женщина и поправила пояс на своем халате. – Ну, я пошла.

Она развернулась и сделала шаг к своей двери, но все же опять обернулась. Полы халата мелькнули ярким ало-желто-оранжевым пятном, – а вы и правда кто?

– Домработница, – ответила я и закрыла дверь.

– А вы дорого берете? – послышалось из подъезда.

Я, не ответив, достала из кармана складной нож и быстро провела по шву свертка. Бумага, проложенная внутри пузырчатой пленкой, легко поддалась. В свертке оказались какие-то спус-

танные шнуры. Я вытащила непонятное содержимое на свет и удивленно уставилась на распухшую посылку. Это была веревочная лестница.

* * *

На улице было неожиданно тепло. Я расстегнула кожаную куртку и с удовольствием вдохнула влажный свежий воздух. Солнце проглядывало сквозь разодранные утренним ветром облака и заставляло жмуриться. Достав телефон, я хотела вызвать такси, но вдруг заметила какое-то движение справа от меня. Полный человек в форменной полицейской одежде окликнул меня, очевидно, опасаясь, что я уйду, и ему придется меня догонять.

– Подождите!

Участковый, догадалась я. Так и оказалось. Толстячок, отдышавшись, представился капитаном Тонким, Петром Ивановичем. Я, наверное, слишком сильно выкатила глаза. Капитан смущенно кашлянул:

– Ну хоть бы раз такую реакцию не видеть.

– Извините. – Я не смогла сдержать улыбки. Капитан был настолько шире своей фамилии, что это рождало комичный эффект.

– Не извиняйтесь, я уже привык.

– Чем могу помочь, Петр Иванович?

– Простите за нескромный вопрос, вы кто?

Кажется, сегодня только родная мать не озадачила меня этим вопросом. И то день еще не кончился.

– Дело в том, что мне позвонили соседи Полины Усольцевой... покойной Полины Усольцевой и сказали, что по квартире кто-то ходит.

– Понятно.

– Они бдительные, – уныло сказал участковый, поглядывая на окна красивого дома. Кажется, ему было очень неловко передо мной, но не отреагировать на сигнал он не мог. Я достала удостоверение.

– Частный детектив? – удивился Тонкий. – Это что, прикол какой-то?

– Хоть бы раз такую реакцию не видеть.

– Извините. Но можно настоящие документы?

– Это настоящий документ. Я работаю над делом Полины по просьбе ее сестры.

Участковый взгляделся в корочку, повертел ее в руках и на всякий случай сфотографировал ее на смартфон. Я почувствовала себя обезьянкой на сочинском пляже. Петр Иванович вернул мне удостоверение и прищурился.

– Это Александра Усольцева дала вам ключи от квартиры?

– Да, – подтвердила я и прибавила, соврав, – а еще сказала, что вы можете мне рассказать о погибшей девушке.

– Она так сказала? – удивился Тонкий. Я вдруг поняла, что он довольно молод – не старше тридцати. Возраст полных людей сложно угадать с первого взгляда.

– Это не отнимет много времени. Хотите, пройдем в квартиру Полины?

– Нет, – покачал головой участковый, – лучше ко мне. Тут недалеко, а у меня скоро прием граждан. Не хочу отлучаться.

– Ладно, ведите. – Я решительно взяла толстячка под локоть, и мы двинулись к выходу со двора. В окне на первом этаже шевельнулась занавеска. Эта квартира находилась как раз под квартирой Полины, и, очевидно, именно эти бдительные соседи вызвали участкового.

– Вы не обижайтесь, – сказал Петр Иванович, тоже заметив занавеску, – тут просто очень бдительные жильцы живут.

– Я не обижаюсь. Наоборот, теперь мне понятно, что никто подозрительный не мог прошмыгнуть мимо этих законопослушных окон.

– Это точно. В этой квартире проживает Ольга Михайловна Горевая. Старушка на пенсии. Работала в милиции следователем. Сейчас ей восемьдесят лет, но дело свое она не забыла.

– Удивительный дом! – воскликнула я. – Сколько интересных персонажей!

– Погодите. Насколько мне известно, Полина Усольцева свела счеты с жизнью. Совершенно самостоятельно.

Я уклончиво покачала головой.

– Меня просто попросили проверить.

– Александра очень переживает, я понимаю. Она же и ко мне приходила. Только чем я тут могу помочь? Дело и не возбуждалось. Свидетели говорят, девушка сама прыгнула с моста.

Я не успела ответить – из подъезда, хлопнув дверью, выбежала та самая бдительная старушка.

– Уводите? Я говорила – подозрительная личность. Что за времена пошли? Каждый, кто хочет в дом ломится. Наш дом надо поставить на пульт охраны!

– Ольга Михайловна! – со стоном протянул участковый. – Ну я-то ту при чем? Хотите – скидывайтесь всем домом и ставьте себя на какой угодно пульт! И никого я не увожу. Я просто беседую с...

– Здравствуйте, Ольга Михайловна, – я улыбнулась как можно приветливее, но старушка окатила меня подозрительным взглядом, – рада с вами познакомиться.

– А чего со мной знакомиться? – пробурчала бывший следователь. – У меня знакомых предостаточно, новых не надо. Она, – старушка повернулась к участковому, тыча в меня узловатым коротким пальчиком, – с самого утра ходила у меня по потолку. В квартире покойницы! Вы разберитесь! Разберитесь, что ей тут нужно было! Может, надо Саше позвонить? Она же могла что-то украсть.

– Я по поручению Саши и пришла, – ответила я, выступая вперед и доставая свое удостоверение, – она просила меня осмотреть квартиру.

– Пойдемте, ей-богу, это того не стоит, – прошептал сзади Тонкий. Видно, старушка была его головной болью.

Та между тем достала из кармана пальто очки и, приблизив мою «корочку» чуть ли не к носу, внимательно ее изучала.

– Что это за «липа»? – наконец сказала она. – Детектив!

– Это не «липа», – снова улыбнулась я, хотя делать это становилось все сложнее с каждой минутой, – я действительно частный детектив, и мне очень полезны такие бдительные соседи, как вы.

– Ага! Полезны! – пробурчала старушка. – Приходят, а потом трупы по всему городу, только успевай считать. Я же просила тебя, Петя, проверить, кто с чердака мешки тяжелые кидал. Так ты и думать забыл.

– Мешки? – удивилась я.

Старушка охотно поделилась, закивав головой:

– Было-было. Ночью как-то просыпаюсь недели две назад – слышу бац! По звуку как мешок прилетел.

– А почему решили, что с чердака?

– Так ночью жильцы спят, да и кому это надо – кидать что-то с высоты. А я утром видела пыльные следы на лестнице – такая пыль только на чердаке. Надо залезть на чердак и проверить. Там должны остаться улики... Ходят и ходят. И вот теперь подозрительные лица в квартире Полины! – Старушка снова недовольно зыркнула на меня.

– Саша наняла меня, чтобы я проверила обстоятельства смерти ее сестры, – продолжала я, хотя участковый делал умоляющие знаки руками, чтобы я оставила в покое эту проблемную

соседку. – Вы случайно не видели, чтобы к Полине приходили какие-нибудь подозрительные гости?

– Подозрительные? Да тут все подозрительные! – воскликнула старая следовательница, но тут же запнулась, как будто что-то припомнила: – Про Полину ничего плохого сказать не могу. Хорошая была девушка. Мужиков не водила. Только один был – Леша. Потом и с ним разошлась, уж отчего – не скажу. Но как-то... – старушка стала говорить медленнее, пытаясь яснее передать всплывшее воспоминание, – как-то я увидела, что она ругается на улице с каким-то бугаем.

– Бугаем?

– Здоровый дядька, брюнет, высокий. Лицо оплывшее. На вид за сорок лет, хотя, может, и меньше.

– И о чем они говорили?

– Я же не слушаю чужих разговоров! – возмутилась Ольга Михайловна.

– Ну вы же почему-то решили, что они ругались, – подсказала я.

– Верно. Он кричал на Полину! Я из окна не слышала весь разговор. Только одну фразу и помню: «Пикнешь, – мол, – пожалеешь».

– Пикнешь – пожалеешь? – повторила я. – Так и сказал? Интересно... – А когда это было?

– Давно было, в начале лета еще, – махнула рукой старушка, – но в остальном тихо у нее все было.

– И вы уверены, что это был не Леша? – спросила я.

– Нет, Лешу я знала. Это был кто-то другой. Я потом остановила Полину в подъезде, спросила – все ли у нее хорошо. Она сказала, что повода для беспокойства нет. Недоразумение, мол, произошло.

– Понятно.

– Но потом я этого бугая не видела больше, поэтому и не придавала значения. Иначе сразу вызвала бы Петю!

Петр Иванович вздохнул:

– Это точно, вызвала бы.

– Спасибо, Ольга Михайловна, – поблагодарила я.

Старушка в ответ нахмурилась и что-то пробурчала себе под нос. Она все еще смотрела на меня с явным подозрением. Я наконец вняла мольбам участкового, и мы двинулись к выходу со двора, обходя лужи и кучи из бурых листьев, которые сгрудились у обочины.

– Вы зря обращаете внимание, – укорил меня участковый, – Ольга Михайловна, безусловно, заслуженный работник. Но сейчас на пенсии ей все время мерещатся преступления и подозрительные лица. Я в этот дом бегаю только из-за ее непрерывных звонков и жалоб. Больше никто из жильцов не жаловался, что ему докучают. Старушка просто не может забыть о своей профессии.

– Не могу ее винить, – улыбнулась я, представив себя на пенсии. – Мне кажется, я в ее возрасте буду вести себя точно так же. Профдеформация!

Участок находился совсем рядом, буквально в соседнем доме. Теперь понятно, как пухлому капитану удалось так быстро отреагировать на звонок.

Внутри пахло кофе и сладкими булочками. Этот кондитерский запах смешивался с запахом мокрой одежды, старой обуви и сигарет, отчего получался удивительно тошнотворный букет. Я сморщила нос, но ничего не сказала. Булочки и кофе нашлись тут же, на столе Петра Ивановича. Он опять смутился:

– Я собирался обедать, когда позвонили. Пришлось бросить.

– У вас похвальное рвение к работе, – совершенно серьезно сказала я.

– Моя должность, конечно, не мечта карьериста, да и денег платят копейки, но я на большее не претендую. Мне нравится приносить пользу людям, и я горжусь своей профессией, – отчасти с вызовом сказал капитан, приняв мои слова за издевку. Надо было сменить тему.

– Расскажите, пожалуйста, про Полину. Она тоже никогда не обращалась к вам с жалобами?

– Ничего скандального или плохого я рассказать не смогу. Тихая. Приличная. Соседям не докучала. В сомнительных связях не замечена. Сигналов относительно ее квартиры не поступало. И сама она ко мне не обращалась.

– А парня ее вы встречали?

– Один раз я приходил к Ольге Михайловне. Ей опять показалось, что кто-то посторонний прошел на чердак. Полина выходила из квартиры, и с ней был ее парень.

– А как вы поняли, что это он?

– Ну это всегда понятно. Молодой парень, не намного старше ее. Он поцеловал ее у подъезда перед тем, как они сели в машину.

– И это был не бугай?

– Нет, – улыбнулся участковый, и его добродушное лицо еще больше покруглело благодаря этой улыбке, – худощавого телосложения. Бугаем бы его никто не назвал. Ольга Михайловна упоминала как-то этот случай. Но я поспрашивал жильцов – никто не замечал в доме рослых амбалов, и уж тем более никто не видел, как Полина с кем-то ссорилась на улице. Так что, возможно, ничего и не было. Ольга Михайловна могла принять за ссору громкий разговор или сослепу приняла парня Полины за другого мужчину. Зрение ее уже подводит – годы-то не шутка. Вы не подумайте, я не хочу ставить под сомнение слова этой женщины, – спохватился Петр Иванович, – но лучше вам сто раз перепроверить. Я постоянно бегаю в этот дом, потому что ей что-то кажется. И еще ни разу ничего криминального не обнаружил.

– И на чердаке никого не находили? – спросила я с усмешкой.

– Почему же? Находил. Кошку. Ее же собственную кошку, которая там гоняла воробьев. Спустил ее и отдал лично Ольге Михайловне в руки, а она пробурчала что-то – вот как сейчас – и захлопнула дверь.

Участковый не удержался и откусил от булочки.

– Извините, с утра ничего не ел, – сказал он, стряхивая с рук крошки.

– Не стесняйтесь меня, – опять улыбнулась я. – Петр Иванович, кто заходил в квартиру Полины после того, как стало известно о случившемся?

– Следователи и криминалисты были, – пожал плечами толстячок, – сестра Полины Саша.

– И больше никого?

– Квартиру опечатали. Так что там никто не ходил. А потом, после похорон, только Саша наезжала. Но вот тут точно я вам сказать не могу, потому что, сами понимаете, не сижу постоянно у нее под дверью. Если кто и приезжал, то я не в курсе. Поверьте, я был бы и рад сообщить вам что-то полезное, но о Полине больше ничего не знаю.

– Хорошо, Петр Иванович. Спасибо за беседу.

– Уже уходите? – огорчился толстячок и потер шею, покрасневшую от врезавшегося в нее воротничка. – Жалко. Нечасто ко мне заглядывают частные детективы. Особенно такие... такие... – Он засмутился и мгновенно залился краской.

– Детектива ноги кормят, поэтому мне пора, – пошутила я, но сделала только хуже. При упоминании о ногах, участковый машинально перевел взгляд на мои бедра и побагровел еще больше.

– Я еще загляну, – пообещала я, не вполне уверенная, что сдержу обещание. Хотя кто знает, куда выведет меня это расследование?

Пухлый капитан грустно улыбнулся.

– Заходите, конечно.

* * *

Следователь Морошин оказался хмурым, гладко выбритым брюнетом с усталым, злым взглядом. На вид ему было едва за тридцать, но сетка лучистых морщин, которая расходилась от его глаз, говорила о том, что он гораздо старше. Я удивилась про себя – такие морщинки бывают у улыбчивых людей, а капитан Морошин не производил впечатление человека, которого в жизни могло что-то радовать. Мне хватило секунды, чтобы понять: дружелюбия участкового Петра Ивановича в этом кабинете можно не ждать.

– Кто вы?

Я вздохнула. Почему сегодня все обращаются ко мне именно так?

– Иванова, частный детектив. – Я раскрыла свидетельство перед лицом Морошина. Он, нахмутив брови, вчитался в него, но, на удивление, не выказал ни иронии, ни сарказма, которые я обычно привыкла слышать.

– Что вам нужно?

– Я хотела поговорить с вами о деле Полины Усольцевой.

Лицо Морошина стало еще более кислым. Он отвел взгляд в сторону и произнес четко и сердито:

– Нет никакого дела Полины Усольцевой. Вы ошиблись. Не буду вас задерживать.

Я села напротив капитана на низкий неудобный стул.

– Отчего же? Я не против задержаться. Дела, может быть, и нет, но некоторые обстоятельства мне бы хотелось прояснить. Дело в том, что сестра погибшей...

Я не договорила – следователь прервал меня раздраженным жестом:

– погодите. С чего вы вообще взяли, что я буду об этом говорить? Вы не родственница погибшей, а совершенно постороннее лицо.

«Ох, как трудно с тобой будет!» – мелькнула в моей голове мысль.

– Послушайте, – я максимально смягчила голос и постаралась придать ему проникновенную, интимную интонацию, – я не прошу каких-то официальных бумаг или разглашения закрытой информации. Вы и сами сказали, что дела никакого нет. Считайте, что я просто забежала к вам в обеденный перерыв поболтать.

Тактика оказалась неверной. На мое женское обаяние Морошину было плевать.

– Я предпочитаю обедать один, – отрезал он, – кроме того, я знаю регламент работы частного детектива. Средства поиска информации у вас довольно ограничены. И в ваши полномочия явно не входит допрос сотрудников правоохранительных органов.

Ясно. Как и предупреждал Кирьянов, сухарь, помешанный на правилах. Ничего, и с такими дело имели.

– Почему вы так быстро закрыли дело, несмотря на наличие определенного количества обстоятельств, которые могут как минимум поставить самоубийство под сомнение?

Расчет оказался верным. Морошин не справился с лицом и удивленно вскинул бровь, хотя тут же взял себя в руки.

– Каких еще обстоятельств?

– Я работаю только полдня и уже нашла несколько нестыковок в этом деле.

– Нет никакого дела...

– Если вам доставляет удовольствие это повторять – пожалуйста, повторяйте. Но сути это не меняет. Вы могли бы провести хоть какую-то проверку перед тем, как отказывать в возбуждении.

– Этого еще не хватало! – Морошин фыркнул, не глядя на меня. – Нэнси Дрю обвиняет меня в халатности.

– А вы не пробовали выслушивать людей до конца?

– А вы не пробовали устроиться на нормальную работу?

Я пропустила это замечание мимо ушей.

– Полина Усольцева, по свидетельству сестры, не собиралась сводить счеты с жизнью. И мне хотелось бы знать, почему вы...

Белая, плотная ладонь Морошина опять взметнулась перед моим лицом.

– На этом остановимся. Сестра Усольцевой уже была у меня, и мне казалось, я ей все доходчиво объяснил. В возбуждении дела отказано. Нет никаких веских свидетельств в пользу того, что имело место убийство или доведение до самоубийства. Ее домыслы – не моя забота. Покиньте мой кабинет немедленно. Я не обязан никому давать отчет в своих действиях, – он махнул рукой так, словно отгонял назойливую муху, – тем более вам.

– Тем более мне? – Я откинулась на жесткую спинку офисного стула. – Слушайте, это уже что-то личное. Я что, наступила вам на ногу в поликлинике?

Морошин побагровел.

– Девушка, я настоятельно советую вам прекратить этот спектакль и покинуть мой кабинет.

Я встала, схватившись за спину.

– Вы очень недалновидны. У меня много хороших знакомых в органах, и они часто сотрудничают со мной на взаимовыгодной основе...

– Мне неинтересно, – опять перебил Морошин и устало вздохнул. – Послушайте, мне известно, кто вы такая. И я не в восторге от того, чем вы занимаетесь. С моей точки зрения, ваша деятельность только мешает полиции и следственному комитету. Сосредоточьтесь лучше на том, чем занимаются частные детективы во всем мире, – поимке неверных мужей. А расследование смертей оставьте компетентным людям, которые нашли своему образованию лучшее применение, чем вы.

Я почувствовала, как удушливая волна гнева поднимается внутри меня. В ушах зашумела кровь. К черту вежливость и профессионализм!

– Если лучшее применение образованию означает протирать зад на стуле, пытаюсь не нарушить ни единого регламента, то поздравляю, вы настоящий профессионал своего дела. Но если вы так верите в логику и правила, то ответьте: зачем самоубийца в день своего самоубийства совершает странные покупки и планирует следующую неделю в ежедневнике?

– Понимать мысли самоубийц не моя забота.

– «Не моя забота» – это что, слоган вашего РОВД? Недаром у него такая плохая репутация, – не сдержалась я, – таких продажных, ленивых, напыщенных...

– До свидания. Еще одно слово, и я влеплю вам статью за оскорбление сотрудника при исполнении. Уходите и не забудьте дверь закрыть поплотнее – там замок ненадежный.

Я двинулась к выходу, но все же не удержалась от последней попытки заинтересовать следователя:

– Полина купила веревочную лестницу и билет на поезд. А через два часа пошла и скинулась с моста.

Морошин молча посмотрел на меня и дал понять, что будет смотреть до тех пор, пока я не выйду из кабинета.

– Вот поэтому вы и обедаете в одиночестве. Никто не хочет сидеть за одним столом с Настольной книгой дознавателя.

Я выскочила за дверь, ругая себя последними словами за то, что не смогла справиться с эмоциями. Кирьянов же предупредил, что с Морошиным будет тяжело. Зачем я вообще сюда пришла? Надо слушать старых опытных друзей, которые пытаются облегчить свою жизнь.

Пока я бесполезно сотрясала воздух у непрошибаемого следователя, на улице похолодало. Воздух стал как будто плотнее и гуще. За тесной толпой многоэтажек показалось свинцовое облако. Я хотела пройтись до злополучного мостика, чтобы самой осмотреть место, откуда

прыгнула Усольцева, но сомневалась, что дождь не застигнет меня в дороге. Кроме того, спина разболелась не на шутку. Пора было принимать лекарство и натирать поясницу чудодейственной мазью, прописанной врачом, но я все оставила дома, потому что надеялась к этому времени вернуться.

Я уже вытащила телефон, чтобы вызвать такси, как вдруг около меня резко притормозила машина, едва не обдав меня грязной водой из лужи на обочине.

– Иванова! Что ты тут делаешь?

Это был Владимир Сергеевич Кирьянов, которому я обрадовалась, как родному. Кирья выскочил из машины и раскрыл передо мной дверцу.

– Неужели подвезешь? – спросила я из вежливости.

– А что с тобой делать? Как спина? Выглядишь не очень.

Я, ойкая, забралась на заднее сиденье служебного уазика. Владимир Сергеевич сел рядом и хлопнул водителя по плечу:

– Петренко, гоу! – И назвал мой адрес.

– Нет, погоди, Петренко! – взмолилась я. – Меня не домой. Мне в Туристический парк нужно, туда, где Мост Влюбленных.

Раз уж такая удача, решила я, проеду до мостика и оттуда вызову такси. Зачем откладывать дело, если можно воспользоваться удачными обстоятельствами?

Сержант глянул в зеркало заднего вида. Кирьянов недовольно кивнул.

– Ладно. Гони туда. – Он повернулся ко мне: – Ты что, уже работаешь? А постельный режим кто будет соблюдать?

– Мне прописывали отдых, а не постельный режим, – возразила я, – можно сказать, я уже отдохнула. А тебя сюда каким ветром задуло?

– Коллегу подвозил. Смотрю – ты выходишь. Физиономия недовольная, за спину держишься. Пожалел калеку.

Я легонько шлепнула его по руке.

– Такта в тебе, Кирьянов, ни на грош.

– Я так понимаю, ты к Морошину ходила?

– Ходила, – недовольно призналась я.

– И получила тряпкой по морде, – констатировал Владимир Сергеевич.

– Получила.

– А я тебя предупреждал?

– Предупреждал. Но я должна была попробовать, понимаешь! Там и правда не так все гладко, как кажется на первый взгляд. Я была дома у этой Полины...

Кирьянов поднял бровь, и мне пришлось уточнить:

– С разрешения и в присутствии ее сестры.

– Слава богу. И что нашла? Листок с надписью: «Я не прыгала с моста»?

– Твой циничный сарказм тут не уместен. Все-таки человек погиб, – укорила я друга. Владимир Сергеевич виновато улыбнулся. – Обнаружились весьма странные покупки: веревочная лестница и билет до какой-то станции Уварово в Ивановской области. Обе покупки сделаны через Интернет и оформлены за два часа до ее предполагаемого самоубийства. Тут как минимум есть вопросы. Я нашла тетрадь с чеками. Усольцева вела подробный учет своим расходам. Все чеки вклеены вплоть до даты смерти. Зачем это делать в последний день, если ты решила покончить с собой? Мне кажется, такой человек в последние дни жизни должен пребывать в состоянии депрессии, и ей точно было бы наплевать, сколько она тратит и куда. А еще и вклеивать чеки из продуктового? Для чего? И в шкафу еще гора неглаженного белья. Вот скажи мне, если ты решишь свести счеты с жизнью, неужели будешь белье стирать, сушить и в шкаф складывать?

– Ее решение могло быть спонтанным, – ответил Кирьянов и был прав. Я вдруг поняла, что ни одного весомого аргумента в пользу версии об убийстве у меня нет.

– Думаю, билет и лестницу тоже можно как-то объяснить.

– А чеки?

– И чеки. Вообще все можно объяснить тем, что она решила прыгнуть с моста не до, а после того как все это купила, постирала и вклеила. Скорее всего, что-то произошло непосредственно перед самоубийством. Какое-то событие стало последней каплей, и она, плюнув на все покупки и планы, решила, что больше не стоит жить. Это звучит страшно, грубо и, возможно, цинично, но объясняет все.

Я хмуро молчала. С точки зрения и следователя, и Кирьянова, все было логично. Самоубийство – поступок иррациональный. Если человек решается на него, причины искать бесполезно. Но чем больше я погружалась в жизнь Полины Усольцевой, тем сильнее сомневалась в ее намерении добровольно прыгнуть с моста. И все же помощи мне ждать неоткуда. Если посмотреть на все трезвым, холодным взглядом, Морошину нечего поставить в вину. Девушка прыгнула сама. На мосту стояла одна. Никто ее не сбрасывал и не толкал. Если бы не эти странные покупки, я бы сама уже сделала вывод, что имело место самоубийство. Но они есть. И теперь я не могу оставить это дело, пока не найду им объяснения.

– Морошин твой – хам, – опять не сдержалась я.

– Морошин – крючокотвор и праведник. Он делает свое дело как надо, но, если он уверен в своей правоте, его уже не переубедишь. Такие никогда не задерживаются на работе. Они сдают отчеты вовремя и следят за выполнением плана.

– Может такой персонаж закрыть глаза на улики, если они противоречат делу?

Кирьянов подумал.

– Наверное, может. Но только в том случае, если он убежден, что это не важные улики и их можно как-то иначе объяснить. Хотя утверждать это категорично не буду – за руку Льва Марсовича никто не ловил.

– Он Лев Марсович? – ахнула я.

Кирьянов потер переносицу:

– Ты что, даже именем человека не поинтересовалась, прежде чем вваливаться к нему в кабинет?

– Нет, – честно призналась я, – на двери было написано: «Морошин Л. М.» Я подумала, какой-нибудь Леонид Михайлович.

– Ну, старуха, ты даешь!

Я решила перевести тему.

– Мне бы посмотреть протокол с места происшествия и заключение медэксперта.

– Забудь.

– Неужели у тебя нет тут совсем никаких связей? Ты же сейчас подвозил какого-то коллегу?

– Этот коллега из другого РОВД и сюда приехал по личному вопросу. Но даже если бы я с этим Морошиным детей крестил, все равно никогда бы не попросил о таком.

– Почему это?

– Потому что мы с тобой – это одно дело. Я тебя знаю как облупленную. Могу пригласить на допрос, поделиться соображениями. Но он тебе доверять не обязан. И потом даже я никогда не показывал тебе официальных бумаг со следствия. Это же противозаконно. Ты что, забыла?

Друг был прав, но мне хотелось ему врезать.

– Что же делать?

– То же, что и всегда, – ответил Кирьянов, – использовать свою голову.

– Понимаешь, этот РОВД уже наследил у меня в одном деле. И если у них нарушение процессуального порядка – это норма, то это может многое объяснить. Мне не нравится, что

я сталкиваюсь с вяземскими второй раз за неделю и оба раза выясняется, что мне есть к чему придраться.

– Ты же ничего еще не выяснила по делу Усольцевой, – напомнил Кирьянов. – Значит, ни в чем Морошина обвинить не можешь. А остальное – просто совпадение. Кстати, про подкуп следователей – это правда? Доказательства у тебя весомые или косвенные?

– Доказательства нормальные. Но я отдала все на откуп адвокату клиента. Постараюсь сильно не светить лицом – вдруг мне эта инициатива потом боком вылезет. С вашим братом лучше не связываться.

– Это правильно. Не влезай – убьет. Я тоже не всемогущ и везде прикрыть твой зад не могу.

– Будем считать, что про зад я не слышала.

Машина, свернув направо, притормозила у остановочного кармана. Я, чертыхаясь, охая и хватаясь за спину, вылезла на усеянный листьями тротуар.

– Подождать не могу, – предупредил Владимир Сергеевич, с болезненным выражением глядя на мои страдания.

– Ничего. Обрато на такси доберусь. – Я попыталась улыбнуться. – Спасибо, что подвезли.

– Слушай, – Кирьянов вдруг высунулся из двери и наклонился ко мне, – к Морошину тоже больше не лезь. Во-первых, бесполезно. Во-вторых, он может устроить тебе неприятности. Проверку лицензии – это как минимум.

– Ладно. Не буду дергать козла за бороду. – Я и сама понимала, что после такого неудачного наскока к следователю со странным именем лучше не ходить. Непрошибаемый, как скала, и убежденный в своей правоте Морошин действительно может встать поперек дороги. Надо этот РОВД за три квартала обходить, особенно учитывая тот факт, что один из моих клиентов скоро обвинит следователей во взяточничестве и подтасовке улик.

– Умница. И если что накопаешь, дай знать.

Я прищурилась:

– Ты же убежден, что это банальное самоубийство.

– Я убежден, что у тебя хорошо развита интуиция. Пока!

Владимир Сергеевич шуточно отдал мне честь, закрыл дверцу, и узик, спугнув стайку голубей, топчущихся у обочины, с шумом и рыком отъехал от остановки. Я потерла поясницу и огляделась. Вход в парк – большая каменная арка с псевдолепниной – находился в нескольких метрах от меня. Вдали сквозь желтую и бурую листву полуоблетевших лип можно было разглядеть людей, гуляющих по дорожкам парка и увешанному замочками Мосту Влюбленных.

Глава 3

Туристической площади на карте не существовало – так ее называли только местные жители. В топонимике города это место носило скромное название парк Водников. Его пересекал приток реки, который был довольно широк, но неглубок. Раньше парк представлял собой лохматые кусты, необрезанные деревья и протоптанные между ними дорожки, заплыванные бычками и шелухой от семечек. Но несколько лет назад администрация позаботилась о благоустройстве сквера, чтобы создать зону притяжения для туристов, приезжавших в летнее время. Часть деревьев вырубали, а между оставшимся парком и ближайшим жилым кварталом втиснули новую улицу – дома на ней напоминали маленькие замки и кукольные домики. Создавалось ощущение, что архитекторы хотели оживить иллюстрацию из книжки сказок. В самом парке замостили дорожки, выкорчевали лишние насаждения и подстригли все оставшиеся. Место получилось приторным, искусственным и совсем не вписывалось в эстетику города, но местным жителям и туристам оно нравилось. Тут были дорогие кофейни, пара бутиков и ювелирных, а летом на выложенных брусчаткой дорожках устанавливали красочные ларьки с мороженым, булочками, прохладительными напитками и яркими сувенирами.

Жемчужиной парка был Мост Влюбленных, который перекинул свою картинно изогнутую дугу через речку. Это было излюбленное место для свадебных и семейных фотосессий. К нему я сейчас и приближалась.

Спина снова начала болеть, и я пошла чуть медленнее, разглядывая гуляющих людей и на всякий случай выглядывая пустую скамейку, на которой можно было бы отдохнуть, если дело станет совсем плохо.

Дорога к мосту вела одна – по ней, как я понимала, шла Полина в день своей смерти. Перед мостом парк расступался, площадка вокруг была выложена плиткой, украшена декоративными фонарями, скамейками, статуями и клумбами. Здесь было открытое место – обзор на мост был у всех домов, окружавших площадь. Если бы девушку кто-то сопровождал, это бы заметили свидетели, а они утверждают, что она была одна. Но перед выходом на площадь, в парке, с ней мог кто-то быть. Деревья скрывали от посетителей «туристических домиков» тех, кто гулял в парке. Да и за дождем никто бы ничего не разглядел. Может, она все же была не одна? Может, кто-то заставил ее сделать это? Но ведь она могла позвать на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.